

АЛЕКСЕЙ СКУЛЬСКИЙ

Интеллигентные люди

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Алексей Скульский

**Интеллигентные люди.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Скульский А.

Интеллигентные люди. Сборник рассказов / А. Скульский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930219-9

«Это не рассказы, а тексты. По Ушакову «текст» определяется как «всякая запечатленная в письменности или в памяти речь, написанные или сказанные кем-н. слова, к-рые можно воспроизвести, повторить в том же виде». Именно как к текстам я отношусь к тому, что пишу и публикую на своем сайте и в предлагаемой книге. Литературу оставим писателям. Эти тексты и есть моя биография.(Алексей Скульский)

ISBN 978-5-44-930219-9

© Скульский А.
© Издательские решения

Содержание

Дрожание	6
Аптека	8
Обманутые надежды	10
Малый бизнес	13
Бабочка	16
Еврейский вопрос	18
Семеныч	20
Поэтическое вскрытие	22
Врачебная ошибка	24
Выход	26
Ремесло	28
Обида	31
Центр удовольствия	33
Рыбалка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Интеллигентные люди

Сборник рассказов

Алексей Скульский

© Алексей Скульский, 2018

ISBN 978-5-4493-0219-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дрожание

В 1972 году я был студентом мединститута. Подрабатывал, по обыкновению того времени, всюду и всем, чем мог. Грузил, таскал, строил, играл, пел, заливал катки, рисовал, сочинял, мел улицы, сторожил – и все одновременно. Дважды в неделю руководил вокально-инструментальным ансамблем на заводе торфяного машиностроения им. Я. М. Свердлова. Это в Канавине. Я неплохо играл на рояле, органе, гитаре, бас-гитаре, свирели, мог еще на аккордеоне, балалайке, домре и черт знает еще на чем. Создал ансамбль и обучал ребят играть на заводских вечерах. Платили сорок рублей в месяц – немало по тем временам. В ансамбле были молодые мальчишки, лет по 17—20, то есть мои ровесники. Только на ударных играл относительно взрослый, семейный человек – Боря С. Это был толстый, среднего роста, черный и кудрявый парень лет двадцати пяти, работавший на заводе слесарем. Он уже отслужил в армии, у него была жена и маленький ребенок. Меня Боря уважал, но звал интеллигентом, что в его словаре означало ущербный, недоделанный. Ударником он был приличным, кроме того, в заводском духовом оркестре он играл на тубе. Для тех, кто не знает, – это такая здоровенная медная красиво изогнутая труба, звучащая басом. Как-то утром Боря позвонил мне и попросил срочно придти на завод. Я обрадовался, потому что искал повод прогулять занятия в институте. Пришел. Боря сразу приступил к делу.

– Интеллигент вроде тебя должен все испытать в жизни.

– Что на этот раз? – спросил я, вспоминая большую драку, которой закончился последний заводской вечер, посвященный годовщине Великого Октября.

– Жмура поведем. Кроме тебя некому. Нас трое. Ты – четвертый. Тебе большой барабан и тарелки.

– На похоронах что ли играть? – переспросил я, хотя, конечно, понял, о чем речь.

– Да. Ты не бойся, вынос на Сортировке, никто тебя не увидит.

– Но я не умею на барабане. Не пробовал.

– Сейчас я проведу с тобой курс молодого бойца.

Он начал объяснять мне главные принципы извлечения звука. На это ушло три минуты. За пять следующих минут я узнал, что, во-первых, творческий и коммерческий успех всего мероприятия зависит от меня; во-вторых, главное при исполнении этой музыки – дрожание. Боря взял колотушку, которая была очень похожа на приспособление для приготовления картофельного пюре, и показал, как надо дрожать. У него вышло ловко. Я попробовал, но получилось, как будто кто-то уверенно и настойчиво стучит в дверь ногой.

– Дрожание, – сказал Боря, – самый важный элемент похорон. Дрожать надо два раза: когда выносят и когда в могилу опускают. Самые эмоциональные моменты. Не подведи. Все. Пора ехать.

Еще через три минуты я вместе с другими музыкантами, трубачом и альтистом, которых видел впервые, сидел в стареньком автобусе. Этот автобус я через много лет увидел в кино (Жеглов и Шарапов гнались на нем за преступником Фоксом). Ехали молча, как будто умер кто-то из наших родственников или председатель профкома. Подъехали к пятиэтажному хрущевскому дому. Боря достал из сумки две бутылки портвейна, и мы выпили прямо из горлышка по полбутылки.

– Это для звука, – сказал Боря. – Закуска – сигарета «Прима».

Затем Боря скомандовал:

– На выход, – и мы вышли. У подъезда стояло человек тридцать. Мы устроились позади всех. Я надел через плечо лямку барабана, к которому сверху была приделана тарелка, взял другую тарелку в левую руку, колотушку – в правую, и огляделся по сторонам, нет ли знакомых лиц. Вроде нет. Трубач кивком показал, что начинаем, и мы заиграли.

Сочувствую тем, кто не слышал уличного исполнения траурного марша Шопена. Вы много потеряли. Сейчас эта мода прошла. А в шестидесятых и семидесятых годах Шопена играли на всех похоронах без исключения. Именно Шопена, и ничего другого. Почему? До сих пор не понимаю. А по радио каждый день исполняли полонез Огинского по заявкам слушателей. Тоже не знаю, почему?

Наш трубач играл мелодию довольно чисто. Альт и туба создавали гармонический фон, а я отбивал первую долю такта, как мог. Скоро дело дошло и до главного – до дрожания. Я попытался сделать так, как показывал мне Боря, но получился все тот же тревожный стук в дверь ногой. Боря уничтожающе посмотрел на меня, и, проявив чудеса ловкости, не прекращая дуть в свою тубу, левой рукой вырвал у меня колотушку и организовал великолепное скорбное дрожание.

Покойника тем временем вынесли, погрузили в машину. Мы тоже уселись в наш автобус и поехали с процессией на кладбище. Молча. По дороге Боря опять достал из сумки бутылку портвейна, и мы быстро выпили ее, пустив по кругу. Затем Боря взял колотушку и еще раз, как тупому, показал мне, как надо дрожать. Молча. Авторитет мой, как руководителя вокально-инструментального ансамбля, оказался на грани полного и окончательного подрыва.

Приехали на кладбище. Все повторилось. Настало время дрожания, и у меня опять ничего не получилось. Стук в дверь стал нервным, хаотичным, менее настойчивым, но, по выражению Бори, слезу не давил. Он опять выхватил у меня колотушку и сделал мою работу по совместительству со своей, как виртуоз. Мне было стыдно, но поделать ничего было нельзя.

По возвращении на завод Боря, как руководитель, поделил гонорар. Я получил наравне со всеми флакон «Тройного» одеколона для поминания усопшего и пять рублей деньгами. Прощаясь, Боря пожал мне руку и сказал:

– Ничего, интеллигент, для первого раза неплохо. Главное – не стеснялся. А дрожанию я тебя научу.

Через несколько дней выяснилось, что кто-то из знакомых видел меня с большим барабаном на животе в похоронном оркестре. Рассказали матери. Она не поверила, но спросила меня, правда ли. Я подтвердил. За прошедшие тридцать с лишним лет мне пришлось бывать на похоронах много раз. Уже без барабана. Но каждый раз, когда я слушал Шопена в чужом исполнении, вместо скорбного выражения, на моем лице появлялась неуместная улыбка. Это я вспоминал одеколон «Тройной», «интеллигента» и, конечно, так и не освоенное мною дрожание.

2000 г.

Аптека

Каждый раз, когда мне нужно что-нибудь купить в аптеке, я предпочитаю делать это в Канавине, в аптеке №4, на углу, там, где трамвай поворачивает с улицы Советской на улицу Канавинскую. Это не реклама. Аптека самая обыкновенная, на первый взгляд. Лекарства, горчичники, термометры, клистирные трубки и прочее. Но это только на первый взгляд. На самом деле, это совсем особенная аптека, если знать ее историю.

Мне рассказывал про эту аптеку старый еврей Соломон Абрамович Зак, дальний родственник того Зака, которому когда-то она принадлежала. Я был еще студентом. На дворе был 1973 год. До окончательного падения режима большевиков оставалось два десятилетия. Но Соломон Абрамович уже тогда был свободным человеком, как я теперь понимаю.

Мы шли по Канавину, свернули с Советской улицы и оказались у входа в аптеку.

– Вы, Леня, наверняка ничего не знаете про это замечательное заведение, – сказал он и как-то весь погрузтел. До этого разговор шел об антисемитизме, но он был значительно веселее.

– Нет, не знаю, – ответил я.

– А вот я знаю, потому что я старый, и потому, что я историк. Именно в этой небольшой аптеке в 1900 году начал свою трудовую деятельность тогда еще совсем юный Яша Свердлов, – Соломон Абрамович опять повеселел. Он любил рассказывать. – Его взяли учеником помощника провизора. Аптека принадлежала В. И. Заку, моему родственнику, между прочим. Как пишут о нем теперь партийные историки, «человек, состоявший за свой образ мыслей на учете в полиции». Это не совсем так. Ну да ладно. Помощником провизора работал некто Иосиф Иванович Мияковский, социал-демократ. И вместо того, что бы учить Якова ремеслу, он стал подсовывать ему всякие статейки и книжонки, объяснять, как несправедливо устроен этот мир, и как с этим бороться. И революционера из него оказалось сделать проще, чем помощника провизора. В 1901 году сменился хозяин аптеки. Первым, кого он выгнал за плохую работу и пререкания, был ученик провизора Яков Свердлов. Так началась его революционная деятельность и головокружительная партийная карьера, которая привела его, в конце концов, на должность Председателя ВЦИК в большевистской России. По его приказу расстреляна царская семья. По его приказам расстреляны миллионы людей. При его непосредственном участии создавались первые концентрационные лагеря. Вот вам и обычная аптека, Леня. А вы говорите...

Я, правда, ничего не говорил, но это у Зака была привычка так обращаться к собеседнику.

– Но на этом роль аптеки №4 в истории России не заканчивается, – продолжал он свой исторический очерк. – У Якова Свердлова был троюродный брат. Он был немного моложе Яши. Звали его Генрих Ягода, правильнее – Иегуда. Они подружились, когда вся семья Гирши Ягоды, отца Генриха, переехала из Рыбинска в Нижний. Мало этого. Генрих женился на племяннице Якова, Иде Авербух. Родной человек. Так вы будете смеяться, как сказано в одном еврейском анекдоте, но Генрих тоже работал помощником фармацевта в этой аптеке. И из него, как и из Якова, ничего не вышло. Если не считать того, что он стал заместителем Держинского, потом Менжинского, а потом – Наркомом внутренних дел. Его расстреляли в 1938 году товарищи по партии и правительству. Но на его собственной совести многие миллионы загубленных людей, – он помолчал немного и добавил, – В том числе мои папа и мама.

Пока Соломон Абрамович рассказывал про аптеку, мы уже отошли от нее довольно далеко. Это была не первая история, услышанная мной от тихого бывшего учителя истории. Я молчал, ожидая главного вывода, который он, как педагог, обязательно формулировал и оставлял напоследок.

– А теперь скажите мне, Леня, что было бы, если бы этот говенный учитель Мияковский все же сделал бы из Якова хорошего помощника провизора? А потом и из Генриха? Ход исто-

рии, конечно, не изменишь, но когда я думаю об одной аптеке и миллионах жизней, я понимаю, что самое главное для любого человека – встретить хорошего учителя.

Он посмотрел на меня с иронической улыбкой, и я попытался оправдать его надежды:

– Да, Соломон Абрамович! Вы правы.

2001 г.

Обманутые надежды

Мой друг, ученый-физик, изучая распространение радиоволн, несколько раз ходил на кораблях в длительные плавания. Охотно рассказывал про страны, которые довелось увидеть. Как-то, я спросил его со свойственной мне прямоотой о том, не тяжело ли так долго быть без женщин. В ответ он рассказал мне про свой трехмесячный поход по северному морскому пути.

На небольшом судне с командой в пятнадцать-двадцать человек была одна женщина-матрос. Звали это немолодое создание Надей. Никто и никогда не посмел бы сказать о ней «привлекательная женщина». Она была не просто страшна собой, но сочетала все худшее во внешнем облике, что может только предоставить женщине мстительная природа. Своими руками Надя довершала замысел творца, надевая телогрейку, бесцветные и бесформенные штаны, и делая из своих сальных, довольно длинных волос подобие прически. В общем, страшнее не бывает. Именно такой казалась Надя моему другу всю первую неделю плавания.

На второй неделе он случайно заговорил с Надей, когда она делала уборку на палубе. Голос Нади вполне соответствовал ее внешности: был противным по тембру, но громким и даже визгливым. О том, что она при этом исторгала при помощи такого речевого аппарата, излишне говорить. Через месяц мой друг, разглядывая Надю за ее работой, отметил про себя, что в ней все-таки есть что-то привлекательное. В частности, нельзя было не отметить округлые формы Надиной груди, угадывавшиеся в те короткие секунды, когда телогрейка слегка распахивалась.

Еще через пару недель процесс выявления Надиных женских достоинств пошел значительно более интенсивно. Были обнаружены: округлость бедер, весьма сексуальные изгибы ее кривых коротких ног, а затем и не менее сексуальный изгиб линии рта, томный взгляд и многое-многое другое.

Одновременно с внешней привлекательностью Нади росла и ее популярность на судне. Практически она не бывала одна: возле нее всегда оказывался кто-нибудь из команды. Лавинообразно нарастали шуточки, комплименты, предложения недвусмысленного характера. Голос Нади тоже день ото дня становился все лучше и сексуальнее. Шел третий месяц плавания, когда случилась первая драка из-за Нади. Мой друг участия в драке не принимал, но именно тогда понял, что, в принципе, он тоже был готов вступить за честь дамы, если бы ему показалось, что этого требуют обстоятельства. За первой дракой последовало еще несколько стычек между матросами. К моменту завершения северного перехода вниманию, которое оказывали моряки Наде (а это были мужчины всех типов и возрастов, включая моего друга, конечно), могли бы позавидовать фотомодели и победительницы национальных конкурсов красоты.

Слава богу, плавание завершилось. Когда мой друг сошел на берег, то еще неделю все женщины, которые встречались ему на улицах, в магазинах, в кафе, казались необыкновенно красивыми. Но, как и обещал царь Соломон, и это прошло.

Так устроен мозг мужчины. И с этим нельзя не считаться.

А теперь об обманутых надеждах.

Эта история произошла на одном из островов Тихого океана. Советский военный корабль зашел в небольшой порт – столицу островного государства. Был необходим срочный ремонт, который планировалось завершить в течение двух суток. Командир корабля, капитан первого ранга Корпенко разрешил увольнения на берег матросов срочной службы. Врач корабля, майор Александр Александрович Чкалов, которого все звали Сан Саныч, проводил предварительный инструктаж каждой пары (отпускали только парами, на всякий случай). В основном, предупреждали матросов о возможных провокациях и запрещали покупать любую еду, чтобы не было отравлений (хотя покупать ее было не на что, так как давали по одному доллару на пару).

Несколько пар сошли на берег в тот день. Два матроса Петр и Павел, оба – деревенские девятнадцатилетние мальчишки, никогда не бывавшие в городе, крупнее Севастополя, тоже сошли на чужой берег и, боязливо оглядываясь, пошли по улице, ведущей от порта к центру. Минут двадцать разглядывали они витрины, полные экзотических товаров и продуктов. Смотрели на дома, совсем не такие как в Сарапуле и Урене (это их родные города), яркие, цветные, с пальмами и кокосами вокруг. Но, особенно, им понравились девушки с «кожей цвета шоколада», которых было очень много, и все они были стройными и удивительно красивыми. Эх, если б можно было...

Но было нельзя. Об этом строго предупредил доктор, Сан Саныч. Но молодость, с одной стороны, и устройство мужских мозгов, с другой, – сочетание невероятной силы. Через час от начала своего увольнения и за два часа до его окончания, мальчишки познакомились с двумя местными девушками. Объяснялись при помощи жестов, взглядов и десятка английских слов на двоих, вбитых в головы ребят сарапульскими и уренскими учителями. Для начала прогулялись по центральной улице, зашли в парк, где разглядывали экзотических птиц и земноводных. Потом, на имевшийся доллар угостили девчонок мороженым. После этого дошли до набережной, прогулялись по ней и стали собираться на родной корабль. Время увольнительной истекло. Когда прощались с девушками, то показалось, что они чем-то недовольны и даже взволнованы. Но и это понятно без перевода. Служба. Извините, мол. В следующий раз.

Точно в положенное время матросы Петр и Павел прибыли на корабль, о чем и доложили, как положено по Уставу, своему командиру.

А еще через два часа, уже под вечер, на корабль явились два представителя местной власти. В белых костюмах и шляпах. Потребовали встречи с капитаном. И когда их провели к капитану, изложили претензии к советским морякам. Суть претензий сводилась к тому, что два матроса, пригласив двух местных проституток, провели с ними два часа и не заплатили. Надо заплатить. Во-первых, проституткам – по 70 долларов США. Во-вторых, штраф – 1000 долларов США.

Командир корабля пришел в ярость. И потому, что таких денег у него в кассе не было. И потому, что сама претензия была ужасной по своим возможным последствиям. Он немедленно распорядился, чтобы все, кто был в увольнении, построились на палубе. Вызвал к себе майора Чкалова и сказал ему все, что он думает по этому поводу. Выражения были совершенно не пригодные к литературному использованию. Потом вместе они пошли на палубу. Там уже были построены матросы, а чуть в стороне стояли два представителя местной власти. Затем на корабль были пропущены те самые две девушки, которые сразу и четко опознали Петра и Павла, указав на них красивыми пальцами с длинными серебристыми ногтями. Девушек сразу же отправили на берег. А капитан, отпустив остальных, оставил Петра и Павла стоять на палубе. Он ходил вокруг них кругами и рычал:

– Кобели ...уевы! Я вам, ...лядям, дам ...росраться! Я вас сгною, ...банатов, вы света божьего не увидите, раз... баи, уроды, твари..., – и все в таком духе. Сан Саныч подождал немного, пока пар вышел. А затем строго спросил Петра и Павла:

– Было ли чего с девками или нет?

– Нет, товарищ майор. Не было ничего. Клянемся.

– На кой... мне ваши клятвы, суки вы малолетние, – рычал капитан Корпенко, еще не успокоившись. – Ведь платить надо. А нечем!

За этой сценой, не понимая происходящего, молча наблюдали представители местной власти.

– Ну, не знаю, что делать. Придумай что-нибудь хоть на время, чтобы эти обезьяны, – сказал капитан майору Чкалову и кивком показал на представителей местной власти, – с корабля убрались. А там видно будет.

Мягчайший по жизни человек, Сан Саныч, подошел к представителям местной власти и с добродушной улыбкой пригласил их в свою каюту для дальнейших переговоров. Те охотно согласились. В каюте, за рюмкой водки, Сан Саныч, хорошо говоривший по-английски, выяснил некоторые новые обстоятельства дела. А именно: оказывается, матросы девушек действительно не «трогали», но по законам этого островного государства мужчина, проявивший интерес к проститутке, пригласивший ее гулять, обедать, ужинать и т. д., таким образом посулил ей заработок, и, вне зависимости от того, пользовался он ее сексуальными услугами или нет, должен платить за ее рабочее время, потраченное на него. Статья закона называет неуплату денег «обманутыми надеждами» и квалифицирует как преступление, наказуемое штрафом до 1000 долларов США.

У Сан Саныча отлегло от сердца. Мальчишки не виноваты. То есть, конечно, виноваты, но это уже совсем по-иному выглядит. Прежде всего, для начальства, если узнают. После четвертой рюмки и объяснений, что в СССР нет проституток, чему гости несказанно удивились и вряд ли поверили, высокими договаривающимися сторонами был найден оригинальный выход из сложившейся ситуации. Футбольная команда из матросов корабля сыграет на местном стадионе матч со сборной островного государства. Все деньги от проданных билетов, а также часть выручки от продажи вина и пива во время матча, пойдут на уплату штрафа и гонорара девушкам. Гости ушли вполне довольные результатами международных переговоров.

Когда Сан Саныч доложил про достигнутое соглашение капитану, тот сразу успокоился и даже обрадовался. Все равно еще сутки стоять в порту. Будет чем занять команду.

Матч состоялся. К величайшей радости болельщиков, а это – почти все население острова – пятнадцать тысяч человек, их сборная одержала убедительную победу со счетом 4:2. Наши хоть и проиграли, но лица у всех участников игры были счастливыми. Особенно, у новопрощенных Петра и Павла (оба – полузащитники). Потом, в океане, когда поход продолжался, команда не раз вспоминала про то, как мужественные Петр и Павел не поддались на провокацию и устояли перед красавицами-проститутками; говорили о «петро-павловской» крепости и, конечно, об обманутых надеждах.

Малый бизнес

Прежде всего, несколько слов о цинизме. Он, как мне кажется, бывает здоровым и нездоровым. Различия обусловлены направлением (векторная величина!). Здоровый цинизм направлен внутрь, на самого себя, и расширяет нравственные границы внутри личности, установленные самой личностью. Нездоровый направлен во вне, наружу, игнорирует и ломает нравственные границы, установленные другими. Отсюда, здоровый цинизм полезен и даже необходим, нездоровый – опасен и противен.

И еще. В сложных жизненных ситуациях люди, как известно, проявляют все лучшие и все худшие свои свойства. Имеющие достаточный запас здорового цинизма, по моим наблюдениям, демонстрируют все лучшее, что в них есть.

* * *

В рассказе «Обманутые надежды» упоминался мной корабельный доктор Сан Саныч Чкалов. Человек он во всех отношениях замечательный: добрый товарищ, скромный, тихий, честный и толковый в делах. Конечно, есть и у него свои «пунктики», но у кого их нет? В главном и по любым принятым критериям, Сан Саныч – классически хороший человек с некоторым запасом здорового цинизма. По профессии военный врач, он начал свою службу в Севастополе сразу после окончания института. Служил на разных кораблях. Последние лет десять-двенадцать это было известное исследовательское судно «Адмирал Владимирский». Служить на таком судне было интересно, хотя и не очень престижно – звания росли медленно.

В 1991 году судно встало на длительный ремонт в польском городе Гданьске. Однако, дальнейшие политические события – распад СССР и раздел Черноморского флота между Украиной и Россией – привели к тому, что «Адмирал Владимирский» оказался никому не нужным и почти забытым. Вместе со своим кораблем Сан Саныч прожил в Польше почти четыре года. За это время он сумел понять, что ждать чего-либо от службы на флоте уже бессмысленно, что пора думать о работе на гражданке, что пора устраивать личную жизнь. Эта самая личная жизнь, из-за постоянных походов и мягкости характера, у Сан Саныча никак не складывалась: был дважды женат и дважды разведен.

В Польше, предоставленный самому себе большую часть времени, Сан Саныч стал часто ходить на автомобильный рынок. Тогда, в начале девяностых, это был, в основном, рынок угнанных в Германии автомобилей, предназначенных для Украины, России и других бывших советских республик. Контролировался рынок, конечно, криминальными структурами, причем трех стран – Германии, Польши и Украины. Внимательно приглядываясь к происходящему на рынке, Сан Саныч заинтересовался «мерседесами». Он стал читать про них все, что можно было достать. Он сверял полученные из книг знания с тем, что видел на рынке.

Через полгода он стал разбираться в особенностях двигателей знаменитой фирмы, мог оценить состояние двигателя по издаваемым им звукам и по другим одному ему известным признакам. Еще через несколько месяцев он стал известен всем серьезным покупателям, как главный консультант по прозвищу «док». Если он говорил, что машину можно брать, ее покупали. Если говорил «нет» – продать на этом рынке за нормальную цену автомобиль было уже не возможно. Естественно, его консультации были платными. Он стал вполне прилично зарабатывать. Запас здорового цинизма рос. Он, конечно, понимал, что помогает преступникам. Но разрешил себе делать это: лечит же врач воров и бандитов? Работа специалиста, вот и все.

Еще через год Сан Саныч собрал небольшой капитал, позволивший ему начать собственное дело по поставке «мерседесов» на Украину под заказ. К этому времени он выучил польский язык, говорил на нем легко и свободно. Этому способствовал роман с одной полькой, который

грозил кончиться очередным браком и даже сменой гражданства. Но по ряду обстоятельств этого не произошло.

Бизнес не был, как говорят теперь, прозрачным. Напротив, он был предельно мутным. Но деньги Сан Саныч зарабатывал, и немалые. Знакомство с теневой экономикой Польши и Украины увеличили запасы здорового цинизма многократно. Появились даже признаки нездорового цинизма, которые немедленно привели к конфликтам с партнерами, после чего с нездоровым цинизмом было раз и навсегда покончено.

Наконец, пришло время ехать на родину и увольняться с флота. В гражданскую жизнь Сан Саныч вошел довольно легко, имея небольшой, но стабильный бизнес. Некоторое время пригонял под заказ грузовые и легковые «мерседесы», а вскоре сам занялся автомобильными перевозками по Украине и за ее пределами.

За время становления бизнеса было все: несколько раз обворовывали в Польше, отнимали документы и вымогали деньги польские и отечественные бандиты, были конфликты с властями, налоговиками, были предательства, потери друзей, разочарования и неудачи. Но спокойный характер, доброжелательность, мягкость в сочетании со здоровым цинизмом сделали, в конечном итоге, свое дело. Сейчас у Сан Саныча есть семья, сын. У него есть бизнес, который дает необходимые для жизни средства. Появились забавные увлечения. Например, собирать модели кораблей внутри бутылок. Он так успокаивается. Или вот, купил он две стареньких «Победы» и собирает из них одну. Хочет принять участие в автопробеге Нижний Новгород – Москва, в честь дня Победы. В общем, все, слава богу, хорошо.

В те же годы в Нижнем складывалась иная судьба.

Валя С. Мать лишена родительских прав, алкоголик. Отец – не известно где. Отчим – аферист, жулик, большую часть жизни провел в тюрьме. Была в детском доме. Потом работала посудомойкой в грязной столовой на речном вокзале. Случайно поступила в институт иностранных языков. Выгнали в первую сессию. Вышла замуж. Очень скоро развелась. Имела большой интерес к мужчинам при минимальных для этого занятиях данных. Недостатки физические с лихвой компенсировались легкостью характера и тем, что французы называют шармом. Неизвестно, чем бы все это закончилось, проживи советская власть еще несколько лет. Но наступило Валино время. Она одной из первых в городе открыла кооператив. Деятельность сводилась к спекуляции, а это для Вали было делом привычным. Она заметила за собой одну очень важную черту: ей доверяли незнакомые и малознакомые люди.

– Я как «воровки на доверии», – объясняла она мне. – Это те, кому доверяют все свои сбережения, чтобы купить автомобиль или квартиру, те, кому легко дают займы большие суммы и т. д. Почему-то я вызываю у людей доверие. Грех этим не пользоваться.

И она пользовалась. Сначала ей давали деньги займы, потом стали давать кредиты в банках. Она могла взять на реализацию, то есть без предварительной оплаты, товаров на многие десятки тысяч долларов. Ей верили. Да она в тот период не очень много кого и обманывала. Ну, если только государство, уходя от налогов. Так это все делали. Не один Ходорковский такой умный. Он просто за всех сидит.

Бизнес рос, как на дрожжах. Появились серьезные деньги. Сошлась с женщиной, которого она взяла в дело. Тут и начались неприятности. Этот ее друг вместе с ее же бухгалтером разработали и реализовали план по ее полному уничтожению: разом она лишилась и мужчины, и бизнеса, и всяких иллюзий. Осталась без копейки. «Кинули по полной программе», как говорили тогда.

Склонная к употреблению вина, она напилась на последние деньги и приняла решение покончить с собой. Оружия, естественно, у нее не было. Вешаться ей показалось не эстетично. Выбрала оригинальный способ – утопиться. То есть, в общем-то, тоже довольно обычный для самоубийц путь. Но пикантность ее случая заключалась в том, что на улице была зима, январь. На великих реках, Волге и Оке, стоял лед. Это ее не смутило.

Под Молитовским мостом, куда Валя спустилась с высокого берега Оки, она дошла по льду почти до противоположного берега. Там, метрах в пятидесяти от берега ей попало то, что она искала – прорубь. В нее-то Валя и кинулась, или, вернее, спрыгнула, ногами вперед. Прорубь оказалась узковатой, так что погружения не произошло. Будущая утопленница застряла. Причем так, что нижняя и большая часть туловища оказалась в воде, а надо льдом были только бюст, руки и голова. Попытки протиснуться в прорубь и утонуть не привели к желаемому результату. Более того. Самостоятельно вылезти из проруби тоже не получалось. Тупик. Одежда пропиталась ледяной водой. Она стала кричать, но никто ее не мог услышать из-за шума проезжающих по мосту машин. И увидеть не могли, так как было уже темно. Валя очень быстро протрезвела и начала бороться за свою, еще несколько минут назад не нужную, а теперь очень дорогую жизнь. Как ей удалось выбраться из проруби, она и сама не знает. «Очень обидно было, – рассказывала она мне, – что и утопиться не получилось». Пошла мокрая и замерзшая к берегу. По пути вспомнила, что здесь недалеко живет ее старая знакомая. Как-то дошла до небольшого частного домика. Достучалась. Ее знакомая, женщина давно и много пьющая, ничему не удивилась, впустила, дала переодеться, налила стакан водки. Валя выпила его залпом, легла на грязный диван, отвернулась к стене и пролежала так трое суток. Она не спала. Просто лежала неподвижно. Организм как будто остановил свои функции, дав ей время на обдумывание дальнейшей жизни.

Через три дня она встала, кое-как привела себя в порядок и с этого дня начала новую жизнь. И новый бизнес. Теперь как бизнесмен она вела себя предельно жестко, крушила, кидала, ничего и никого не боялась, хотя имела дела с откровенными бандитами и жуликами. Дважды на нее покушались. Неудачно. Никому не верила. Менее чем через год она уже была снова богатой, преуспевающей, у нее было несколько магазинов, строительных бригад. Шофер возил ее на большой красивой заграничной машине, из которой она выходила в дорогой шубе, в бриллиантах. Она купила себе квартиру. Словом, поднялась.

Еще через несколько лет она вышла замуж, родила сына от любимого человека. Стала ходить в церковь, соблюдать посты, венчалась (или уверовала, или для виду – не знаю). Сейчас бизнес стабилизировался, в семье все в порядке. Сын подросток.

* * *

Статистика утверждает, что только около пяти процентов трудоспособного населения являются экономически активными, то есть способными организовать собственное дело, создать себе и другим рабочие места. Кто они, эти люди? Почему именно они могут это делать? Почему другие не могут? Может, дело в здоровом цинизме? Не знаю.

Бабочка

У кого-то из великих писателей-фантастов, кажется, у Рэя Брэдбери, есть рассказ про то, как из будущего в прошлое отправляется группа охотников на мамонта. Там их водят очень осторожно, а в мамонта они стреляют за несколько секунд до того, как его и без выстрелов убил бы сук дерева. Мол, ход истории это не изменит. А один мерзавец наступил по неосторожности на бабочку, и в результате, когда они вернулись из прошлого, оказалось, что все изменилось. В частности, у власти находится другой президент. Красиво и умно. А главное, как я теперь знаю, правдиво.

Валя С., та самая, что пыталась утопиться зимой, но застряла в проруби, еще до этого трагикомического эпизода, в каком-то смысле изменила всю жизнь в нашей стране. Но тогда, когда это произошло, она не могла об этом знать. А дело было вот как.

Первый ее кооператив торговал всем подряд. Обычно выстраивали длинные цепочки бартерного обмена, то есть меняли один товар на другой, а уж где-нибудь в конце цепочек возникали реальные деньги. Да и то не всегда. У Вали возникли хорошие деловые отношения с директорами нескольких заводов (ну, действительно, ей доверяли малознакомые люди, я об этом рассказывал уже), производивших экскаваторы. Иногда ей удавалось продать их за деньги, но чаще приходилось менять на что попало, а уж потом продавать то, что попало, в надежде получить деньги. Тем не менее, дела шли очень хорошо.

Поздней осенью 199... года в 8:00 утра в ее офис, расположенный в старом частном деревянном доме в центре Нижнего, пришел малоприметный молодой человек. Маленького роста, худенький, в очках. Одет в вязаную шапочку, серую курточку. Мордочка синяя – замерз, видно. На улице уже подмораживало, но снега еще не было. Зашел, спросил Валентину Вадимовну. Две Валиных помощницы как раз собирались пить кофе. Посмотрели на него с сочувствием и предложили подождать на улице. Знали, ведь, что Валя раньше десяти часов не приходит на работу, но, подумали – пусть ждет.

Молодой человек мерз перед дверью, топтался и прыгал, чтобы согреться, окончательно посинел, но не уходил. В начале одиннадцатого появилась Валя. Пригласили молодого человека к ней в кабинет. Он начал ныть высоким и противным голосом про то, что ему для молодежного жилищного комплекса в Сормове необходим экскаватор. Иначе сорвется все строительство. Выпадет снег, и тогда уже до весны ничего нельзя будет сделать.

Он продолжал ныть, а Валя разглядывала его и думала: замерз-то как, и одет легко. Может, действительно, дать ему экскаватор? Правда, в наличие был только один, который она уже обещала известной строительной фирме.

– Ладно, – сказала она, – а платить-то у тебя есть чем? – Денег у нас, к сожалению, нет. Но мы готовы расплатиться стиральными машинами нашего завода, – он посмотрел на Валу, на лице которой уже был написан отказ. – И куда я их дену, твои говенные стиральные машины? Кому они нужны? Их же не продашь и не поменяешь ни на что! Нет, парень. Давай, ищи деньги, и будет тебе экскаватор хоть сегодня. А про машинки свои забудь, – она всем видом показала, что разговор окончен. – Поймите, это дело очень важное, можно сказать, государственное. Если мы не закончим строительство в этом году, сотни людей не получают квартиры, – он говорил очень страстно и убедительно.

Интонации и выражения его лица напоминали ей ее собственные приемы, когда она уговаривала кого-нибудь дать товар или деньги. «Тоже мог бы быть вором на доверии, умеет убедить», – подумала она и решила для себя, что экскаватор даст. Хрен с ним.

– Ладно, тащи свои стиральные машины, готовь договор. Они у тебя почему?

Дальше быстро обсудили цену по бартеру. Валя в уме уже сосчитала, что практически ничего не заработает, даже если сумеет пристроить кому-нибудь эти машинки, но от своего слова не отступила.

Сделка состоялась. Еще месяц, примерно, на складе, в холодной прихожей офиса, везде, куда ни кинь взгляд, можно было увидеть большие коробки со стиральными машинами. Продавались и менялись они плохо, а последние десять штук были просто подарены разным людям, что бы помещение освободить.

За местными политическими событиями Валя не особенно следила и знала только первых лиц, которые мелькали на телеэкранах. Когда через несколько лет в программе «Время» она случайно увидела знакомое лицо того замерзшего парня, которому отдала экскаватор в обмен на стиральные машины, парень уже работал в Правительстве России.

– Да, в удивительное время живем. Хрен знает, кто может стать главой правительства и даже президентом в этой убогой стране, – сказала она своим помощницам, напомнив им эпизод с бартером пятилетней давности. А в целом, это было ей не очень интересно, и скоро она об этом забыла, но, как оказалось, не на долго.

В августе 1998 года, когда произошел дефолт, а у нее был непогашенный кредит в 100 000 американских долларов, она уже каждый день вспоминала того парня из Правительства. Лучшее, что я услышал тогда от нее, звучало, приблизительно, так:

– Если бы я, дура, не пожалела тогда этого ...баного засранца-комсомольца, мать его ... би, то могла бы спасти и себя, и страну!

Но может вся прелесть жизни в том и состоит, что, когда наступаешь на бабочку, не можешь предвидеть, как это отразится на ходе истории.

2002 г.

Еврейский вопрос

Иван Иосифович Шинкарев не был антисемитом. То есть не то, что бы ему сильно нравились евреи, но, как интеллигентный человек, как преподаватель университета и как филолог по специальности, он допускал существование среди этого племени людей достойных и полезных. С полезными он встречался, когда получал гранты на свои научные исследования (почему-то во всех фондах оказывались именно они). Достойных же он знал по литературоведческим статьям и монографиям, а еще несколько достойных были его коллегами и работали в том же университете.

Еврейский вопрос коснулся его впрямую всего один раз в жизни, когда он еще в советские времена выезжал по туристической путевке в Болгарию. Тогда, на собеседовании в райкоме партии кто-то из комиссии поинтересовался, не еврей ли он. Насторожили, вероятно, отчество и фамилия, уравновешенные, правда, безупречным именем. Иван Иосифович ответил тогда, что отец его, Иосиф Иванович Шинкарев – из старообрядцев, и никакого отношения к евреям не имеет. «Вот и славненько», – сказал партийный начальник и все же внимательно и строго посмотрел на Ивана Иосифовича. Внешность Ивана Шинкарева была не менее безупречна, чем имя: белобрысый, курносый, с голубыми глазами. Поездка в Болгарию состоялась, и об этом случае он совершенно забыл.

А в четверг вечером, через пятнадцать лет, вспомнил. Накануне утром его студентка сдала курсовую работу, посвященную актуальной, как казалось доценту Шинкареву, теме: уголовно-тюремному жаргону в современном русском языке. Тему он сам подсказал симпатичной студентке: она возникла у него в голове как раз в тот момент, когда он с любопытством разглядывал стройную фигурку и вполне привлекательные формы будущего филолога Ани Гольдман. На голом плече девушки он увидел небольшую татуировку с изображением бабочки. Наверное, подсознательная логическая цепь была такой: татуировка, тюрьма, филология. Все это сложилось в тему курсовой работы само собой. Так вот. В четверг Шинкарев пришел домой, поужинал, перекинулся несколькими словами с женой и залег на диван для изучения курсовых работ. Первой была работа Ани. Иван Иосифович начал читать.

«Меж воров во множестве употребляются слова еврейского происхождения» («Наставление по полицейскому делу», Спб, 1892г)...

Это был эпиграф к курсовой работе. Какое-то неприятное, пока еще не до конца понятое и осознанное чувство появилось у Шинкарева еще до того, как он приступил к чтению основного текста. Во вступлении говорилось, что большая часть слов и выражений в воровском жаргоне имеет еврейское происхождение. Далее были ссылки на разных авторов. Говорилось даже о Мартине Лютере, знавшем иврит и читавшем ТАНАХ, об ударениях в идише и иврите, об ашкеназском произношении ивритских слов и т. д. Шинкареву стало интересно.

Из основной части работы он узнал много нового. Добросовестная студентка приводила примеры. «Весь преступный мир должен перестать ботать по фене (на иврите: боте – выражаться, офен – способ). Всей блатной (на идише: блат – бумажка, записочка; блатной – свой, принадлежащий уголовному миру) хевре (на иврите: хевре – компания) следует рекомендовать не появляться на малинах (на иврите: малон – гостиница, приют) с шалавами (на иврите: шилев – сочетать, несколько мужчин, например). Нельзя иметь при себе ксиву (на иврите: ксива или ктива – документ), нельзя носить клифт (на иврите: халиф – костюм) как у фраера (на идиш: фраер – свободный, кто не сидит в тюрьме). Следует также избегать мусоров (на иврите: мосер – предатель), которые мечтают получить все на халяву (на иврите: халав – молоко, которое отдавали бесплатно) или на шару (на иврите: шеар – остатки, то, что не пригодно на продажу и оставляется на прилавке для бедных). В общем, если не навести кипеш

(на иврите: хипеш – обыск, поиск, беспорядок после обыска) и не противостоять этому, то нам всем хана (на иврите: хана – делать остановку, привал)».

Не знаю, как всем, подумал Шинкарев, а мне, если эту работу прочитает заведующий кафедрой, точно хана. Он дочитал курсовую, в заключительной части которой делался вывод о серьезном влиянии на современный русский язык уголовно-тюремного жаргона, который в свою очередь практически весь основан на еврейских словах и выражениях. «Ладно, утро вечера мудренее», – сказал себе Иван Иосифович, и заснул, не приняв во внимание, что между вечером и утром есть еще ночь.

Во сне шла бурная воровская жизнь. Ваня Шинкарь был полублатным и содержал малину. В этот вечер пришло несколько марвихеров – одиночек, а уже за полночь ввалилась вся хевра с шалавами. Одна из шалав ему приглянулась. Это была Анька по кличке Золотая. На плече у нее была татуировка, маленькая бабочка. Уже под утро, когда Ваня лежал в объятьях Золотой и все больше распаялся, раздались выстрелы, а затем стук в дверь. Кто-то крикнул: «Мусора!», и воровской народ стал разбегаться, кто куда. Потом мусора устроили кипеш. Ваня понял, что на халяву не отойдешь. И, слава богу, проснулся. Звонил будильник. Утро. Господи, как хорошо, что я просто филолог. Как хорошо, что я не еврей, не уголовник, не блатной. Как вообще все хорошо. Прямо как тогда в Болгарии.

Иван Иосифович вспомнил про курсовую Ани Гольдман и поморщился. Пока пил кофе, придумал новую тему для ее новой (старая не годится) курсовой работы: «О функциональной роли префиксов в словообразовании на примере студенческого аргю» или что-нибудь в этом духе. По радио в это время говорили что-то о Березовском, Гусинском, Ходорковском. Про розыски, аресты. «Все-таки я по-настоящему интеллигентный человек», – подумал про себя с гордостью Иван Иосифович Шинкарев и отправился в университет.

Семеныч

Звали фельдшера морга только по отчеству, Семенычем, и при этом обращались к нему всегда на «ты». Он сам так любил и от других требовал. А лет ему было не мало: когда я пришел в морг работать, ему было под шестьдесят, а когда уходил – под восемьдесят. Про таких, как Семеныч, принято говорить – человек необычной судьбы.

Закончив фельдшерское училище в 1940 году, он поехал по распределению на север области, кажется, в Шахунью. Там начал вести самостоятельный прием больных и сразу же организовал продажу больничных листов и справок. Через три месяца попался на этом и был отдан под суд. В первых числах июня 1941 года получил срок – четыре года колонии общего режима. И просидел все четыре года войны в лагере, был там лепилой (доктором), был сыт, в тепле, а главное, в отличие от многих миллионов своих сверстников, остался жив, цел и невредим. Судимость и лагерное прошлое он, по возможности, скрывал.

Смолоду имел он как минимум еще два порока: во-первых, был алкоголиком, но тихим, одиночкой и без запоев, просто каждый день принимал необходимую ему дозу спиртного; во-вторых, был исключительно активным бабником, что опровергает распространенное мнение о несовместимости двух этих достойных занятий. Донжуанский список его был настолько обширен, что Александр Сергеевич не смог бы его написать гусиным пером и за три часа. Семеныч писал и переписывал его шариковой ручкой на протяжении многих лет. Когда я последний раз заглядывал в этот список через семенычево плечо, возле неразборчиво написанного имени было число 255. Даже глубоким стариком он продолжал эту деятельность (не переписывать список, а встречаться с женщинами!), чему было немало достоверных подтверждений. Склонность к точности и ведению отчетной документации была замечена начальством. Поэтому в последние годы работа его в морге заключалась как раз в ведении документации. Руки у него тряслись ужасно, из-за чего почерк был совершенно неразборчивый. Но к этому привыкли и не обращали внимания.

Иногда Семеныч подрабатывал санитаром, то есть обмывал и одевал трупы, укладывал их в гробы и «продавал» родственникам (на языке санитаров это означало брать деньги в качестве благодарности). Деньги он любил, но работу эту делал неохотно. В тот день, о котором пойдет речь, Семеныч как раз подрабатывал санитаром. Было два вскрытия. Обе умершие – старушки с типичной советской судьбой, практически одинаковым набором болезней и минимальными внешними различиями. Первыми появились в морге два сына одной из умерших. Горя на лицах не было, хотя для демонстрации скорби оба попричитали немного: «мама, мама». Видно, заливали горе с утра, поэтому были сильно выпившие. Братья отдали Семенычу одежду и в ожидании выпили на улице, под окнами морга, еще по стаканчику – другому. Семеныч обрядил «маму» и уложил в гроб. Посмотрел на результат своей работы. Лицо покойницы показалось ему знакомым. «Надо по списку проверить», – подумал он, – «фамилию и адрес уточнить». Потом позвал сыновей. Те быстро погрузили гроб со старушкой на машину, сунули Семенычу деньги, бутылку водки и уехали. Пить Семеныч не стал, так как впереди была еще работа. Посмотрел в свой список, убедился, что знал старушку лет тридцать тому назад и внутренне успокоился – память не подвела.

Примерно через час приехали за второй покойницей. Семеныч принял одежду от дочери умершей. Быстро и красиво сделал свою работу и предъявил результат родственникам. Дочь сразу же и решительно заявила, что это не ее мама. Семеныч, любивший говорить про себя «тридцать семь лет не выходя из морга», намекая на свой жизненный и профессиональный опыт, в одно мгновение сообразил, что перепутал трупы старух. Конечно, из-за этих болванов-сыновей. Но, не теряя еще последней надежды, он произнес ставшую потом легендарной фразу:

– Болезнь, а в особенности смерть, сильно меняют облик человека!

Фраза не произвела должного впечатления. Началась истерика. Шум. Слезы. Семеныч понял, что нужны экстренные и неотложные меры, пока «сыновья» не отнесли на кладбище чужую маму. Он кинулся к гаражу, мгновенно договорился с водителем за две бутылки водки. Труп был погружен на машину, и они поехали по указанному в документах адресу. По пути Семеныч заехал к пивному ларьку, где за три минуты нашел себе двух бесстрашных помощников с сизыми лицами. Подъехали к дому. Квартира оказалась на четвертом этаже. Пока тащили гроб и его обитательницу наверх, Семеныч смутно припомнил некоторые подробности отношений с покойной. Бурный краткосрочный роман, закончившийся упреками и слезами. «Это она мне мстит», – подумал он, вытирая крупные капли пота со лба, хотя суеверным не был. Тем временем подняли, и не без труда, гроб с покойницей и внесли в квартиру. Поставили рядом с уже имевшимся гробом. Два гроба в маленькой хрущевской квартире смотрелись нелепо. Сыновья выпивали на кухне. Семеныч путано объяснил им, что нужно кое-что доделать в медицинских целях и в подтверждение своих слов достал из-за пазухи бутылку водки, полученную от сыновей два часа назад. Аргумент убедил. Пока братья пили и скорбели, Семеныч передел трупы, поменял их и, немного успокоившись, выпил стакан водки с братьями. Потом внимательно посмотрел на два гроба и двух старушек.

«Как они все похожи, эти женщины», – подумал он и начал руководить выносом и погрузкой. Еще через час труп был доставлен в морг и выдан родственникам.

Если бы такое произошло в США или Германии – Семеныч опять попал бы в тюрьму или заплатил бы огромный штраф по иску за нанесенный моральный ущерб. Если бы такое случилось на Кавказе, Среднем или даже Ближнем Востоке – его бы просто убили. У нас свой путь. Семеныч получил сто рублей и бутылку водки. От перенесенного волнения выпил ее всю сразу, лег на кушетку в санитарской комнате и перед тем, как заснуть, безжалостно вычеркнул дрожащей рукой фамилию старушки из своего знаменитого списка. После этого случая Семеныч перестал подрабатывать санитаром, а вскоре и вовсе уволился.

Недавно я встретил его на улице. Умеренно пьяного. Он с гордостью сообщил мне, что получил справку о реабилитации. Теперь он называет себя жертвой репрессий. Стоит в специальной очереди на квартиру для репрессированных. Даже какие-то деньги за это получает от государства. На мой вопрос, как дела со списком, ответил коротко: «Все, подвел черту».

Поэтическое вскрытие

«Поэтом можешь ты не быть...»

Мои друзья и знакомые очень по-разному реагировали на мою работу врача-патолого-анатома. У большинства этот вид деятельности вызывал интерес, смешанный с отвращением. «Как этим можно заниматься? Противно же! Я бы не смог». По-другому относился к этому Игорь Чурдалев. Он настоящий поэт. Видит и чувствует не так, как все остальные. В этом я еще раз убедился, когда после его настойчивых просьб пригласил его на вскрытие трупа.

Игорь интеллигентный человек. Его представления о том, что он увидит, были, главным образом, основаны на картине Рембранта «Урок анатомии доктора Тульпе». Для тех, кто забыл, напомню, что там изображен профессор с длинными завитыми волосами, в усах и бороде, одетый в бархатный камзол с гофрированным белым воротником. Вокруг – человек семь студентов, тоже одетых, как испанские гранды. А между ними аккуратный труп старика. Профессор ковыряется в руке трупа. Все очень чисто и пристойно. Шедевр, между прочим. В жизни все оказалось немного иначе.

Это была суббота. Я дежурил, и никого из докторов и начальства в морге не было. Предстояло одно вскрытие. Игорь приехал. Видно было, что он волнуется. Чтобы его немного успокоить и подготовить, я завел его в ординаторскую, сделал нам по чашке кофе. Мы выпили кофе, покурили, и я стал читать историю болезни умершего. Это был самый обыкновенный случай смерти от воспаления легких больного хроническим алкоголизмом. Единственной особенностью можно было посчитать то, что больной умер в городском наркологическом диспансере, где обычно умирают редко. Для врачей-наркологов это событие. Заведующий отделением обещал мне по телефону приехать на вскрытие, поэтому мы и не начинали работу. Ждали.

Я дал Игорю свой халат и шапочку. Когда он все это надел, то стал немного похож на врача. Закурили еще по сигарете, но не успели докурить, как появился доктор, которого мы ждали. Это был крепкого сложения невысокий мужчина лет сорока, очень серьезный и энергичный. Я видел его впервые. Он посмотрел на меня, потом на Игоря, выбрал почему-то Игоря, и начал рассказывать ему о том, как болел и умирал его пациент. Игорь серьезно и внимательно слушал, не перебивая. Иногда кивал.

Видя такую идиллию, я решил пока пойти и подготовить труп к вскрытию, а новоиспеченного поэта-патологоанатома и нарколога оставил одних. Что рассказывал нарколог Игорю в те десять минут, пока их не пригласили в секционный зал, я, примерно, знаю. Но что говорил в ответ Игорь, – даже представить себе не могу. Но, судя по всему, Игорь доктору понравился.

Они зашли в секционный зал, когда я уже был одет в фартук, нарукавники и перчатки и начал вскрытие большим разрезом секционного ножа от подбородка до лобка. Видимо, на Игоря обрушилось все сразу: и специфический запах, и вид распахнутого тела, и кровь, и я с ножом в руках, и лицо санитаря Володи (по-моему, это самое страшное, что было в секционном зале в этот момент). Я посмотрел на него и понял, что он может упасть в обморок. Взгляд мутный, движения замедленные. Если бы начал падать, поддержать его ни я, ни Володя не смогли бы, так как руки у нас в крови. А пол в секционном зале кафельный, можно сильно ушибиться. Я уже хотел попросить нарколога поддержать Игоря, но нарколог сам всех выручил. Он сказал, обращаясь ко мне:

– Я вашему коллеге уже рассказал, как было дело. У нас на рентгене – правосторонняя нижнедолевая. Может быть, крупозная. Терапевт высказывалась за это. И по клинике, и по лабораторным данным, – он повернулся, обращаясь к Игорю. – Вы согласны со мной, коллега?

– Да, мне показалось это убедительным, – сказал поэт, и глаза его прояснились. «А могла начаться рвота, мог рухнуть, как подкошенный. Может, и не упадет в обморок, вроде осваивается. Молодец», – подумал я и продолжил свою работу. Когда я извлек комплекс органов по Шору, наступил второй момент, когда можно было ожидать обморока гостя. Я решил отвлечь Игоря от сильного впечатления и стал показывать ему пленки фибрина на задней поверхности нижней доли правого легкого.

– Вот, коллега, – обратился я к нему, – посмотрите, как в действительности выглядит классическая крупозная пневмония. Эти пленки фибрина легко соскабливаются ножом, – я продемонстрировал, как именно легко они соскабливаются. – Ткань легкого плотная, грязно серого цвета. С поверхности разреза стекает гной. Ваши с доктором предположения оказались верными.

Затем я исследовал сердце, печень, почки и так далее. При этом все показывал, делал многочисленные разрезы, обо всем рассказывал и минут через десять я заметил, что поэту уже не столько противно, сколько интересно. Об обмороке и речи быть не могло.

«Все хорошее когда-нибудь заканчивается», – любил повторять наш санитар Володя, когда вскрытия подходили к концу. Он произнес эту дежурную фразу и в этот раз. Вскрытие закончилось. Доктор уехал. А мы с Игорем остались в морге. Мне предстояло написать протокол вскрытия, а ему придти в себя. Я похвалил Игоря за достойное поведение и попытался его немного развеселить, сказав, что это было самое поэтичное в моей жизни вскрытие.

Когда мы уже собрались уходить домой, я поинтересовался впечатлениями от моей работы. Игорь все еще не окончательно пришел в себя. И от увиденного, и, особенно, от того, что ему пришлось побыть несколько минут врачом. Воображение вмиг дорисовало остальное..., так, кажется, у них, поэтов. Но, в целом, впечатление, похоже, было сильным. Желая еще его усилить, я подарил Игорю в память об участии во вскрытии никелированный молоток со специальным крючком для открытия черепной коробки. Он долго вертел его в руках, пытаясь понять, как им пользоваться, и нервно восторгался.

Историю о том, как он участвовал во вскрытии трупа, я потом слышал в разных вариантах от разных людей. А вот молоток видел у него дома на стене, подвешенным на гвоздь за крюк. Надеюсь, иногда вспоминает...

Врачебная ошибка

Моя родная тетка по отцовской линии, Ида Менделевна, жила в Ленинграде. Овдовела она, когда ей было восемьдесят лет. Детей не было. Все, что можно было оставить в качестве наследства, это однокомнатная квартира. Наследников трое – два моих старших брата и я. Особенного интереса к будущему наследству все трое тактично не проявляли, хотя несколько тысяч долларов, которые каждый из нас мог получить, всем были бы очень кстати.

Наступил момент, когда обо всем этом пришлось задуматься: из Ленинграда позвонила соседка тети Иды и сообщила, что дела очень плохи. Тетка слегла, перестала узнавать окружающих, начала нести всякую околесицу, перестала есть. Надо было ехать в Ленинград. Совет братьев-наследников немедленно состоялся. Решено было, что ехать должен я – и как самый свободный, и как врач. Задача была сформулирована для меня так: во-первых, дать медицинский прогноз для жизни, то есть сказать, когда все произойдет; во-вторых, выяснить, как обстоят дела с юридической стороной дела, то есть узнать, есть ли завещание и что оно предусматривает.

Через два дня я приехал из Нижнего в Ленинград. Доехал до дома на Ново-Измайловском, где жила тетка, и с тревожным чувством позвонил в дверь ее квартиры. Открыла соседка, которая ухаживала за тетей Идой. Я вошел в квартиру. В нос ударил характерный запах одиноко живущих стариков, который был мне хорошо знаком еще со времен моей работы на скорой.

Тетка действительно была заторможена, меня не узнала, пробормотала что-то и забылась, постанывая. Соседка рассказала мне, что в таком состоянии тетя Ида уже четвертый день. Был участковый врач, который сказал, что дело идет к концу. Я поблагодарил соседку и отпустил ее домой. «Похоже, вот-вот» подумал я тогда и приготовился к самому худшему. Посидел минут тридцать, глядя в одну точку, пытаюсь представить себе последовательность собственных действий. Потом пошел в магазин, купил литровую бутылку красного сухого вина, сосисок, сыру, еще что-то из еды. Принес все это домой, приготовил, накрыл на кухне и пошел будить тетку. Разбудил, помог подняться, с трудом довел до кухни и усадил за стол. Глаза у нее были тусклые, непонимающие. Налил по бокалу вина ей и себе. «Будьте здоровы, тетя Ида», – сказал я и подумал, что если бы кто-нибудь мог видеть эту картину со стороны, то принял бы меня за сумасшедшего. Тетка медленно выпила бокал вина. И дальше произошло чудо, объяснения которому у меня до сих пор нет. Буквально через пять минут, на моих глазах, моя тетя начала приходить в себя, закусила сыром и, узнав меня, сказала: «Здравствуй, Ленечка». В следующие десять-пятнадцать минут она превратилась в ту самую тетю Иду, которую я помнил – остроумную, по-одесски пересыпающую свою речь удивительными выражениями, пожилую, но очень приятную женщину. Глаза ее заблестели, а выражение лица стало немного хитрым, как всегда. Что произошло тогда? До сих пор не понимаю.

Когда через три часа пришла соседка, она застала нас за разговором о жизни в Нижнем, о ценах, о братьях и их женах, о политике. На столе стояли бокалы с вином. Соседка была потрясена. Я сделал вид, что ничего особенного не произошло, просто в Питер из Нижнего приехал приличный доктор, вот и все.

Весь вечер мы разговаривали с теткой. Она вспоминала Одессу, где прошла ее молодость. Рассказала немало интересных историй. Рассказчицей она была замечательной.

– Твоя тетя, – начинала она, – была весьма привлекательной девушкой. Кавалеры обращали на меня внимание, но я очень тщательно выбирала тех, кто составлял круг моего общения. Как-то раз моя подруга Фирочка пригласила меня к себе на раут. Фирочка была из богатой, по тем временам, еврейской семьи – большой частный дом, веранда и даже рояль «Беккер». Собирались придти молодые люди. Я должна была петь. Ты знаешь, что твоя тетя очень при-

лично пела в молодости? Так вот. Я пришла к Фирочке. На мне было синее платье в белый горошек, вот здесь и здесь выточки, а рукав – напускной. Фирочка подвела меня к одному совсем не симпатичному молодому человеку. Он был маленького роста, с большой головой. Но это еще полбеды. На нем были штаны, которые заправляют в сапоги... да, голифэ, цвета хаки. На тохесе была большая заплатка. Фирочка сказала: «Он будет тебе сопровождать», и я поняла, что ничего хорошего из этого не выйдет. Потом я пела. Успех, конечно, необыкновенный. Этот страшный парень, как оказалось, вполне прилично играл на рояле.

Дальше была длинная пауза и хитрый взгляд в мою сторону.

– Так кто же это был? – спросил я.

– Это был Эмиль Гилельс.

Тетя Ида посмотрела на меня в ожидании реакции и, только убедившись, что я все правильно понимаю, добавила:

– Если бы не тот дурак, оториноларинголог Фельдман, который сжег мне голосовые связки, когда лечил ларингит, я могла бы стать не тем, что ты сейчас видишь перед собой.

Так мы болтали о разных людях, временах, книгах. О скрипаче Бусе Гольдштейне, о войне, о Сталине, о ее муже. Когда уже устраивались спать, тетка сама начала тему завещания.

– Ленечка! Я скоро умру, – сказала она без всякой грусти. – Так я хотела бы, чтобы вы, братья, знали: я завещала вам квартиру, всем поровну. Чтобы вы, как интеллигентные люди, не передрались. Я покажу тебе завещание, что бы ты знал, где оно и что в нем написано. Она, как фокусник, достала папку неизвестно откуда, показала мне завещание, настояла на том, чтобы я прочел и записал себе номер документа и фамилию нотариуса. Когда мы уже погасили свет в комнате и промолчали минут десять, пытаясь заснуть, она сказала:

– Леня! Когда ты приедешь назад в Нижний, ты будешь давать пресс-конференцию для своих братьев. Скажи им по моему поручению, что вашу бабушку, мою маму, убил Гитлер. Но ваша прабабушка, моя бабушка, прожила сто два года. Это так, на всякий случай. Она хихикнула. Потом было тихо. Я успокоился после сумасшедшего дня и заснул.

Еще через день я уезжал из Ленинграда, оставляя тетю Иду во вполне приличном состоянии под опекой соседки. Вернувшись в родной город, я рассказал обо всем, что было, своим братьям. На прямой вопрос, сколько, по-моему, она проживет, я ответил также прямо – два-три месяца. Она прожила еще семь долгих лет. Братья посмеивались надо мной по этому поводу. За годы работы это была, конечно, не единственная, но самая удивительная моя врачебная ошибка.

Выход

Это была одна из рабочих суббот весны 1987 года. Кто помнит, подтвердят, что купить водку или вино тогда было можно только по талонам. И еду тоже. А жизнь-то продолжалась: люди женились и разводились, рождались и умирали, просто ходили друг к другу в гости. Конечно, без спиртного жить было невозможно. И не жили без спиртного. Просто, приходилось искать выход из созданной заботливым государством ситуации. Искали и находили.

Фельдшер морга Семеныч и я дежурили по патологоанатомическому отделению, но умерших в тот день, слава богу, не было, вскрытия не проводились, и мы просто отсиживали рабочее время. Позвонил мой старый друг, с которым я очень давно не виделся, сказал, что к вечеру зайдет ко мне домой в гости. Я позвонил жене, предупредил, чтобы приготовила что-нибудь. Дальше стал думать, где добыть спиртного. Поделился своей проблемой с Семенычем. Он сразу же меня успокоил, спросив, сколько мне нужно водки. Я ответил – бутылку, а лучше – две.

– Так не могу. Могу только ящик. Скажи, сколько возьмешь из ящика?

Я пересчитал наличность.

– Восемь, это по максимуму.

– И я пяток, – сказал Семеныч. – Пока я буду все оформлять, позвони хирургам и попробуй пристроить остальные семь бутылок. Это не трудно. Сейчас всем надо.

Я позвонил в стационар, предложил хирургам водку, они тут же согласились ее купить и прислали санитарку с деньгами. Минут через десять Семеныч подошел ко мне и протянул привычным жестом свидетельство о смерти.

– Подпиши, Михалыч!

Я взял у него из рук врачебное свидетельство о смерти и прочитал, прежде чем подписать. Фамилия, имя и отчество умершего были моими. В графе непосредственная причина смерти корявым Семенычевым почерком было нацарапано «Острая алкогольная интоксикация». В графе «Кем выдана справка» было подчеркнуто «врачом, проводившим вскрытие», а фамилия врача, выдавшего свидетельство о смерти, тоже была моей. Большая больничная печать удостоверяла справедливость всего выше написанного.

– Ты что, Семеныч, решил вычеркнуть меня из жизни? Я возражаю. Я молод. Красив. Умен. У меня дочь маленькая. И потом, почему я умер от водки, когда у меня ее вовсе нет?

– Ладно, не переживай сильно. Побудешь мертвым недолго. Ничего с тобой не сделается. Я пошел. И он ушел в магазин, что располагался недалеко от нашей больницы.

Винный отдел имел свой вход с улицы и работал в своем режиме. Перед входом была огромная толпа. Все за водкой, естественно. Были даже какие-то добровольцы, контролировавшие соблюдение очереди. Семеныч легко преодолел первый кордон, предъявив свидетельство о моей смерти.

– Горе, мужики, горе. Хороший человек умер. Ждать не могу. Поминки сегодня. С каждым может случиться, – объяснял он. Потихоньку протискиваясь все ближе к прилавку, он уже через пятнадцать минут оказался первым в очереди и торжественно предъявил скорбный документ продавщице.

– Только один ящик, – строго сказала она. Семеныч не спорил. Ящик так ящик. Кто-то из очереди помог ему вынести водку. Двум спитого вида и неопределенного возраста мужикам он предложил рубль за доставку ящика до морга.

Уже через полчаса мы сидели в санитарской комнате и выпивали: решили проверить, качественный ли продукт нам достался. С хирургами уже рассчитались, и рабочий день можно было заканчивать. Семеныч предложил тост.

– За твое, Михалыч, счастливое воскресение и длинную беззаботную жизнь! – он выпил, закусил плавленым сырком, потом, не спеша, достал из кармана свидетельство о моей смерти от острой алкогольной интоксикации и разорвал его. – Живи долго!

Я вспоминаю то время, ту бессмысленную борьбу с традициями целого народа и думаю: в тот вечер мы с другом выпили больше, чем хотели и могли. По их вине. Наверное, так не раз было и со многими другими. Чего они вообще все время хотят от нас? До сих пор. Понять бы, чего хотят, тогда легче было бы найти выход.

Ремесло

2.38. После окончания звучания траурной мелодии руководитель ритуала, стоя у изголовья гроба, открывает траурную церемонию прощания кратким словом (пример):

«Уважаемые (называет имена и отчества ближайших родственников), уважаемые товарищи, сегодня в этот скорбный для всех нас час, мы собрались в этом траурном зале, чтобы проводить в последний путь всеми уважаемого, дорогого (называет имя, отчество, фамилию покойного).

Траурную церемонию, посвященную прощанию с гражданином Союза Советских Социалистических Республик (перечисляет почетные звания, называет имя, отчество и фамилию покойного), разрешите считать открытой».

Руководитель ритуала предоставляет слово друзьям и сотрудникам покойного. Выступающие говорят о жизненном пути покойного, о его заслугах перед обществом, городом, организацией, семьей.

Примечание. Если нет лиц, желающих выступить на церемонии прощания, то слово о жизненном пути покойного произносит с согласия родственников организатор похорон или руководитель ритуала. Сведения о покойном они получают из «Кратких сведений об умершем (умершей)», которые дают родственники при оформлении документов.

2.39. В зале крематория по окончании митинга руководитель ритуала просит всех проститься с покойным. Участники похорон поочередно подходят к гробу.

Руководитель ритуала закрывает лицо покойного покрывалом и с помощью кого-либо из присутствующих закрывает гроб крышкой.

Руководитель ритуала объявляет: «Гражданин Союза Советских Социалистических Республик (называет фамилию, имя и отчество) закончил свой жизненный путь. Пусть добрая, светлая память о нем сохранится в наших сердцах на долгие годы».

Звучит траурная мелодия. Руководитель ритуала склоняет голову.

Руководитель ритуала объявляет: «Траурная церемония закончена». Затем он провожает родственников к автобусу и, прощаясь, еще раз выражает им соболезнование.

Примечание. Продолжительность траурной церемонии до 30 мин.

(Из ИНСТРУКЦИИ о порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР)

Когда, «земную жизнь пройдя до половины, я оказался» телеведущим, оставив навсегда главную свою профессию патологоанатома, я уже вскоре обнаружил немалое сходство между этими двумя видами деятельности. И там, и там надо было точно и ясно излагать свои и чужие мысли. И там, и там ценится оригинальная точка зрения, но преобладает традиционная, и используются штампы и банальные выражения. Наконец, и там, и там делается попытка понять происходящее, но почти никогда не удается добиться желаемого результата. И еще.

И там, и там есть настоящие профессионалы и просто работники. Как говорила одна моя знакомая, патологоанатом: «В нашу профессию попадают либо по призванию, либо по незнанию». И на телевидение тоже.

Сделать телевизионный сюжет, конечно, не просто. Нужно понять, чего от тебя хотят, чего хочешь ты, разобраться в существе дела, а потом изложить его на полстраничке, да еще, по возможности, интересно. Делать все это надо быстро. Повторяю, это не просто. Но, тем не менее, встречаются замечательные мастера этого дела. Но рассказать я хотел о другом.

Когда умерла моя тетка в Санкт-Петербурге, мы со старшим братом поехали ее хоронить. Опускаю все подробности подготовки похорон в незнакомом городе. Скажу лишь, что заключительная стадия – кремация, должна была проходить в полдень в малом траурном зале Питерского крематория. На это скорбное мероприятие должны были придти несколько человек: соседи, бывшие сослуживцы и старые друзья. Все они действительно собрались в фойе перед входом в траурный зал. Из-за его дверей вышла неопределенного возраста женщина в строгом черном английском покроя костюме и попросила меня зайти в зал. Я зашел. Она спросила меня приятным грудным голосом, будем ли мы сами вести «Прощание» или нам нужна ее помощь. Я выбрал помощь, во-первых, потому что и брат, и я устали, а во-вторых, из любопытства – первый раз в крематории. Затем она достала небольшой блокнот и стала задавать мне вопросы.

- Имя и отчество умершей?
- Ида Менделевна.
- Год рождения?
- 1912.
- Была замужем?
- Да, 60 лет жила с одним человеком.
- Воевала?
- Нет. Работала в тылу.
- Кто по профессии?
- Техник-технолог.
- Родные есть?
- Да, мы, племянники.
- И последнее. Сколько минут я должна говорить?
- У нас очень мало времени. Если можно, уложите в 3,5 минуты, – пошутил я.
- Хорошо.

Затем все собравшиеся были немедленно приглашены в зал, в центре которого стоял гроб с телом. Мы встали вокруг. Дама немного задумалась, и, никуда не подглядывая, начала речь. Я посмотрел на часы. Было 12 часов 2 минуты.

«Сегодня завершается земной путь скромного, но в высшей степени достойного человека, Иды Менделевны. Она пришла в этот мир в трудное для этой страны время. Да и было ли в этой стране другое время?». Она сделала паузу и внимательно оглядела всех присутствующих. Три седых русских старушки и два пожилых еврея с грустными глазами молча кивали, как бы соглашаясь. Она продолжила, добавляя постепенно своему голосу силы, а тембру – густоты.

«За свою долгую и непростую жизнь ей пришлось увидеть и пережить многое: и Гражданскую войну, и НЭП, и годы первых пятилеток. Она знала, что такое страх в тридцать седьмом. Ее не обошла горем и потерями Отечественная война, унесшая жизни ее родных и близких». На этих словах две соседки и одна бывшая сослуживица тихо заплакали, видимо, припомнив своих родных и близких, погибших во время войны. Мужчины еще держались. Голос дамы обрел металлические нотки, был громким и проникновенным одновременно.

«Ей пришлось трудно и в послевоенные годы, когда страна боролась с космополитизмом. Наверное, не раз задавала она себе вопрос: оставаться или уезжать? И всегда выбирала эту страну. И через все испытания и невзгоды она прошла, сохранив свою честь и достоинство».

Проняло и мужчин. Было видно, что они-то точно не раз спрашивали себя, ехать или не ехать, и до сих пор не знают верного ответа на этот вопрос. А после упоминания про достоинство, у одного из них на глазах появились слезы.

«Она не была крупным чиновником или функционером. Скромный техник-технолог, она делала свое дело честно и снискала за это уважение коллег. Ее любили друзья, потому что ее нельзя было не любить. Сколько раз она бескорыстно помогала тем, кто в этом особенно нуждался!?».

Тут она посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

«Ее любили племянники, самые близкие ей люди. Она ценила их участие в ее жизни и сама старалась сделать для них все, что могла. Но, увы. Даже лучших из нас смерть не обходит стороной». У меня в горле к этому времени был ком. Жалко стало тетку. Правда ведь была добрым и хорошим человеком.

«Она покидает этот мир в трудное для страны время. Так давайте будем крепиться, давайте стойко перенесем эту потерю, потому, что, уйдя от нас, Ида Менделевна сохранится в нашей памяти и в наших сердцах навсегда». От этой классической закольцовки сюжета и «трудного для страны времени» я пришел в себя. Посмотрел на часы. Было 12 часов, пять минут, тридцать секунд. Она говорила ровно три с половиной минуты...

Потом, когда все закончилось, я подошел к этой женщине, поблагодарил. Но не удержался и высказал слова восхищения и текстом и, особенно, точностью затраченного на речь времени. Она только улыбнулась в ответ.

«Скажите, а если бы я попросил Вас говорить десять минут?», – продолжал интересоваться я.

«Я бы говорила десять минут», – ответила она спокойно. Я ей безоговорочно поверил.

«А двадцать?», – вдруг неожиданно для самого себя спросил я.

«И двадцать», – ответила она также спокойно.

Мы ехали из Питера в Нижний, брат – за рулем. Молчали. Я думал обо всем сразу, по обыкновению. Среди прочего, и о той женщине в черном английского кроя костюме, которая каждый день ходит в крематорий на работу. Которая каждый день мысленно пишет и вслух «начитывает» сюжеты заданной длины и содержания. Каким прекрасным тележурналистом «Новостей» она могла бы быть? Как много настоящих, хоть и не знающих об этом, профессионалов-журналистов скрывается до поры в моргах и крематориях нашей необъятной и все еще «переживающей трудное время страны»?

Обида

Галину Александровну обидели. Обидели именно тогда, когда она этого менее всего ждала. И не сразу разберешь, кто обидчик. Хотя, если подумать...

Ей было пятьдесят два. Из них тридцать она проработала на молокозаводе. Пришла девчонкой, молодым специалистом, после института. Долго не могла научиться командовать людьми. Сплошь женщины, и все старше и опытнее ее. Научилась. Была бригадиром, начальником участка, начальником смены, начальником цеха. Некоторое время даже начальником производства. Все у нее получалось. Неплохо по тем временам зарабатывала. Вырастила дочь. Выучила ее на врача. Без отца. Уже внучка большая, школьница.

В июне ехали они с дочерью из деревни, где купили в прошлом году небольшой домик. Ехали электричкой. Тащили все на себе, как обычно. Но раньше всегда электропоезд довозил их до Петряевки, почти до дома, а тут что-то случилось на железной дороге или ремонт какой, но электричка привезла их на Московский вокзал. Толчея. Толкотня. Спустились в туннель, чтобы выйти в город.

В туннеле дочка решила купить в ларьке сигареты и шоколадку к чаю. Остановились. Дочь пошла к ларьку, а Галина Александровна осталась с котомками стоять неподалеку у стены. Сняла с себя смешной, старый берет, который надела из-за дождя, положила его на большую старую сумку с огурцами и луком. Устала очень, ведь до станции пять километров пешком, да всю дорогу в электричке пришлось стоять. Задумалась. «Вот соседка, Наталья, говорит, мол, зачем тебе этот дом у черта на рогах, последние силы отдашь за огурцы и помидоры, а их на каждом углу продают. А мне нравится. Конечно, тяжело всё на себе таскать туда и обратно, но своё вырастает. Настоящее».

Пока она обо всем этом думала, в ее старый берет прохожие уже успели бросить несколько бумажек и мелочь. Остановившаяся неподалеку женщина, примерно, ее лет, дала маленькой девочке, видно, внучке, мелкие деньги и сказала: «Отнеси тете». Только тогда Галина Александровна очнулась и поняла, что происходит. Ее приняли за нищую, побирушку. Жар подступил к лицу, как подступал уже полтора года, но это был другой жар – стыд.

Тут подошла дочь, увидела всю картину разом и начала смеяться. Они подхватили свои котомки и пошли дальше. Одна со смехом, другая с комом в горле и слезами на глазах. Дома, когда Галина Александровна немного успокоилась, она тоже посмеялась над возникшей ситуацией. Конечно, одета в старый грязный и мятый плащ, сама усталая, да еще эта беретка чертова. Что удивляться? За кого угодно примут. Вот ведь и люди у нас жалостливые. Но осадок в душе остался. А еще через пару дней выросла в этой душе обида.

Смолоду не лишенная амбиций, Галина Александровна делала карьеру легко. То есть даже и не делала. Просто работала, а должности приходили, как результат хорошей добросовестной работы. Она всегда одевалась скромно, но очень аккуратно. За долгие годы случались и служебные романы. Один раз даже чуть не вышла замуж, но вовремя себе сказала – главное вырастить дочь.

После этого дурацкого случая на вокзале что-то внутри перевернулось. Невольно начала думать о старости, о том, как прожила жизнь. Что будет с ней дальше. Об отношениях с дочерью, внучкой, другими людьми. Думала она обо всем этом как-то вяло, без какой-либо решительности.

Она вспоминала всю свою жизнь. Какие-то мелкие детали, которые, казалось, давно забыты, всплывали в памяти. Она вспомнила, как обидела когда-то, и не справедливо обидела, тетю Катю из второго цеха. Ее уж в живых нет давно, а вспомнила. И опять почувствовала жар, как тогда в подземном переходе.

Она стала часто думать о том, что, в сущности, она никому не нужна. Дочь ее не может устроить свою личную жизнь, потому что есть она, а жить негде. Она не нужна и внучке. У той своя жизнь. Она не нужна на заводе, которому отдала все свои силы. Молодые давно рвутся на ее место. Но еще хуже ей делалось оттого, что и себе самой она была уже и не интересна, и не дорога, и не нужна. «Я, правда, нищая. Только никто уже не подаст мне, потому что мне ничего не надо», – думала она.

А потом она стала болеть. И не то, чтобы что-нибудь конкретно болело, а как-то все сразу разладилось, не стало сил. Дважды по две недели была на больничном. Потом отпуск, который она провела, не выходя из дома. За два месяца она похудела, осунулась и превратилась из энергичной, полной сил женщины в слабенькую, неразговорчивую старушку.

На работе предложили перейти в отдел продаж. Там тихо и спокойно. Отсидел свои часы и ушел. Она согласилась: сил сопротивляться обстоятельствам не было. Работать не хотелось. Зачем?

Дочь пыталась лечить ее от всего сразу. Показывала разным врачам. Но состояние то оставалось прежним, то вновь ухудшалось. В ноябре появились явные признаки депрессии. Положили в больницу, просто пожалев измучившуюся дочь. Там через неделю Галина Александровна умерла. Ничего такого, что бы убедительно объясняло ее смерть, на вскрытии найдено не было.

Центр удовольствия

Мне с детства нравилось многоголосное пение. Еще когда впервые, учась в музыкальной школе, я в составе небольшого хора услышал выводимые голосами терции и сексты, возникло удивительное, идущее откуда-то изнутри, почти физическое удовольствие. С тех пор всегда, когда я слушал пение на два, три голоса, я испытывал такое же чувство. Еще большим бывало оно, когда я сам пел в составе хора или ансамбля. Качество исполняемой музыки при этом большого значения не имело.

Есть целые народы, в культурной традиции которых многоголосье – обязательный и хорошо развитый элемент. Например, баски в Испании, или грузины. Мне довелось многократно бывать в Грузии. Я видел и слышал, как поют во время застолья в отдаленной, богом забытой горной деревеньке. Полное, красивое, чистое четырехголосное пение народных песен. Да еще на фоне гор со снежными вершинами. Да еще выпив кахетинского вина из глиняного кувшина. Это настоящее чудо!

Существует такая теория, согласно которой музыка, и, в частности, голос поющего, оказывают простое физическое воздействие на слуховой аппарат, а в ответ на определенные частоты и длины волн организм выделяет те или иные биологически активные вещества, в том числе эндорфины. Эти эндорфины отвечают за ощущение нами удовольствия. Они же выделяются, когда приходит время любить. В общем, как сказал Пушкин, «из наслаждений жизни лишь любви музыка уступает, но и любовь – мелодия». А он знал толк в наслаждениях. Так вот, пение на голоса, по-видимому, обеспечивает максимальный выброс эндорфинов, по крайней мере, у меня. Подопытная крыса с вживленным ей в мозг электродом, расположенным в центре удовольствия, непрерывно давит на педаль лапками, замыкая электрическую цепь, пока не упадет от переполняющего ее счастья. Полежит немного, а потом опять начинает все с начала. А люди?

В 1978 году я впервые оказался в Грузии. Я имею в виду настоящую Грузию. До этого я бывал в Абхазии, у моря. Но это совсем не то. Настоящая Грузия – это, прежде всего, Кахетия. Там живут настоящие грузины. Не те, что торгуют на российских базарах, не те, что тусуются без дела в столице, не те, что торгуют неизвестно чем и пристают с сальными шутками к толстым блондинкам, вызывая к себе неприязненное отношение. Там живут простые крестьяне, возделывающие виноградники, как и их отцы, деды и прадеды. Они много работают, пьют много виноградного вина и поют на три или четыре голоса.

Уже первое застолье, в котором мне пришлось принять участие, потрясло меня самым сильным образом. И количеством выпитого вина, и необыкновенным вкусом национальных блюд, и, особенно, многоголосным пением. Все это обрушилось на меня сразу. Я считал себя подготовленным к новым впечатлениям, потому что прочитал полтора десятка книг грузинских писателей и поэтов, выучил несколько слов и предложений по-грузински и даже знал несколько грузинских песен из репертуара ансамблей «Орэра» и «Иверия». Такой подготовки оказалось совершенно недостаточно.

Из уважения к гостю, то есть ко мне, разговор за столом велся на русском языке. Но по-русски участники застолья говорили очень плохо, а некоторые совсем не говорили. Поэтому разговор все время перескакивал на грузинский, а хозяин, он же тамада, батона Бидзина, красивый пожилой седой грузин в чохе и с газырями (специально для меня надетой), выступал в роли переводчика.

Долго говорили в тостах о дружбе наших народов, о благополучии семей, детей, внуков, отдельно пили за женщин, которых, кстати сказать, за столом не было согласно национальной традиции. Потом речь зашла о песнях. Тамада что-то сказал по-грузински, и они запели. Это, как я теперь знаю, была песня «Цин цкаро», что переводится «У колодца». Простая грузин-

ская народная песня. Пели на четыре голоса, очень чисто и красиво. Потом были другие песни, и веселые и грустные. Кто-то постукивал по столу, как по барабану, выделявая сложные ритмические рисунки. Это был настоящий концерт, от которого я получил неописуемое удовольствие.

Следующий день начался в пять утра с хаши. Это такой незастывший холодец, который едят горячим, с большим количеством чеснока, а перед употреблением выпивают стаканчик чача-араки, то есть виноградной водки. Днем снова было застолье, уже в другом доме, но с теми же тостами и теми же песнями.

В таком ритме прошла неделя. Были, правда, и поездки в древние храмы, на развалины церквей, на мраморный карьер высоко в горах, в Цинандали на винный завод и в усадьбу Чавчавадзе. Но застолья и песни оставались неизменными. Я почувствовал усталость от такого однообразного отдыха.

Потом все кончилось, я вернулся домой. Началась работа, обычные ничем не примечательные будни. Моя обычная жизнь. А еще через месяц или полтора я услышал по радио грузинскую народную песню «Цин цкаро» в исполнении какого-то грузинского ансамбля. Я закрыл глаза и сразу же представил себе грузинское застолье. И то самое чувство, возникшее где-то внутри, опять захлестнуло меня.

С тех пор прошло уже много лет. Эндорфинов в организме, видимо, стало меньше. Но что-то во мне продолжает реагировать на многоголосное пение, будь то реквием Моцарта, русская народная песня или грузинская застольная. Наверное, некоторые импульсы, несмотря ни на что, все еще доходят до него, до центра удовольствия. Значит, живу.

Рыбалка

Мой бывший однокурсник Женя и я жили в гостях у нашего друга, Сан Саныча Чкалова, тоже когда-то нашего однокурсника, в его просторном новом доме в Севастополе уже три дня. Программа пребывания была очень интенсивной, так как Сан Саныч все продумал и даже, как настоящий бывший морской офицер, составил подробный письменный график, включавший все наши действия в течение недели – обеды, ужины, поездки, встречи, выпивки с точным указанием времени и места мероприятий. Серьезный документ. В первые три дня мы от него не отступили ни разу. Четвертый день должен был начаться в 4:30 утра. Предстояла рыбалка.

Ровно в половине пятого утра мы выехали из дома на старенькой и очень грязной «копейке» хозяина. Предстояло заехать за бывшим старпомом, с которым Сан Саныч служил на одном корабле, потом доехать до рыбацкого домика, расположенного в одной из бухт, взять снасти и оттуда уже выйти в открытое море на баркасе.

Бывший старпом Саша жил недалеко от центра, в новом районе. Ехали по пустым улицам. Настроение замечательное. Шутили. Смеялись. Вспоминали студенческие годы. Двор, в который мы заехали, был образован тремя многоэтажными домами. Остановились возле подъезда и стали ждать, когда он выйдет. В этот момент сработала охранная сигнализация в какой-то из квартир. Заревела сирена на весь квартал. Еще через 3—4 минуты во двор въехал маленький автобус-форд, из него быстро и организованно выскочили пять человек в камуфляжной форме с автоматами. Двое из них побежали к подъезду, а остальные мгновенно окружили нашу машину. Через приоткрытое стекло один из охранников (мы так поняли, что это охрана) спросил: – Кто такие? Приготовьте и предъявите документы!

Я прикинул, что дела наши складываются не очень хорошо, так как документов у нас с Женей при себе не было, да еще мы граждане другого государства. Вся надежда на Сан Саныча: у него есть права, он офицер в отставке, да и живет здесь, в Крыму. Но Сан Саныч повел себя как-то странно. В ответ на требования предъявить документы, он сказал:

- Документы у меня в багажнике.
- Почему в багажнике? – спросил охранник, удивившись, как и мы с Женей.
- А ваше какое дело? Мои документы, где хочу, там и держу.

Сан Саныч разговаривал, как мне показалось, излишне уверенно и даже грубо. Охраннику тоже так показалось. Он снял с предохранителя автомат и громко, проговаривая каждое слово, приказал:

- Медленно выходите из машины, что бы я видел Ваши руки. Резких движений не делать!

Сан Саныч спокойно и медленно вышел из машины. Так же медленно подошел к багажнику своего автомобиля. Два дула были направлены на него и одно, между прочим, на нас с Женей. Что он затеял? Что у него там в багажнике? Ничего мы не поняли, только страшно было: вдруг эти ребята занервничают? Что тогда будет?

Тем временем Сан Саныч открыл багажник. В нем, в грязи и мусоре, под пыльным ковриком лежал пакет. Из этого пакета он извлек водительские права и другие документы. Охранник посмотрел их, быстро вернул и пробормотал невнятные извинения. Сан Саныч вернулся в машину.

– Вы бы, товарищ майор, все-таки возили документы в кабине, – сказал охранник на прощание.

- Не твое это дело, где я документы вожу, – резко ответил Сан Саныч.

Тут появился старпом Саша, сел к нам в машину, и мы поехали в рыбацкий домик. По пути произошло знакомство.

– Так вы с этим типом учились в институте? Сочувствую. А я проходил с ним по разным морям почти десять лет. Имею право на бронзовый памятник на исторической родине.

После упоминания исторической родины я пригляделся к Саше повнимательнее. Национальность его определить невозможно. Немного от армянина, немного от еврея, немного от остальных некоренных национальностей. Я спросил его:

– Ты аид?

– Почти. Преподаю иврит для местных евреев, желающих уехать на историческую родину. Самого не выпустили. Говорят, что я слишком много знаю.

Выяснилось, что Саша еврей по матери, армянин по отцу. Решил после увольнения в запас эмигрировать в Израиль. Выучил иврит, пока собирал необходимые документы. Не выпустили. Так он стал преподавателем иврита в Севастополе. Не пропадать же знаниям! Саша все это рассказывал, пока мы ехали к рыбацкому домику, а у меня из головы не шел эпизод с документами.

– Сан Саныч, – наконец, не выдержал я, – а чего ты с документами придумал? Почему в багажнике возишь?

– Это у меня привычка такая после Польши осталась. Обижали меня там часто.

– Расскажешь?

– Да. Только давай сначала в море выйдем, а то забудем чего-нибудь.

Похоже, мы ничего не забыли – так много всего пришлось тащить на себе до баркаса. Там нас ждал еще один бывший сослуживец Саши и Сан Саныча – стармех Петрович. Он запустил двигатель, и мы стали выходить из бухты, двигаясь мимо пришвартованных военных кораблей. Одни были под украинскими желто-голубыми флагами, другие – под российскими трехцветными. Петрович, загорелый, крепкий, седой, лет под шестьдесят, перехватил Женин взгляд, когда тот внимательно разглядывал сторожевой корабль, и с грустью сказал:

– Да, грохнули флот. Теперь и за полвека не соберешь. А хохлы че удумали, Сань? Устроили на своих кораблях вместо ленинской комнаты «Рідну хату». Внутри все стены из глины, расшитые занавески на картонных окнах, рушники вышивальные, а на столе муляж шмотка сала и бутылъ настоящей горилки. Придэ матрос до ридной хаты, вспомнит тятку да мамку, утрет рушником слезы, потеревит муляжное сало (а шо его пробовать, сало оно и есть сало) и вернется служить як тільки народівся.

– Це ж добрэ. Мне нравится эта идея. Надо поднимать боевой дух личного состава, – отреагировал Саша. – Надо бы и в армии, и на флоте ввести еще обязательное владение приемами боевого гопака.

– А это что такое? – спросил Женя.

– Новый вид боевого искусства. Бойцы в шароварах, с чубами. А движения, как в гопаке, – и Саша показал движение, сначала присев, а затем высоко выкинув прямую ногу. – Сейчас очень популярен на Украине. Вам, москалям, не объяснишь. Это ж целая философия.

– Мы видели вчера в магазине любопытную штуковину, – включился в разговор Женя. – Глобус Украины называется. На нем ни одного государства, кроме Украины, нет. Полезная вещица. По нему хорошо политзанятия проводить. Но пятьдесят гривен за него жалко отдавать. Я пожалел.

Тем временем мы уже вышли из бухты в открытое море. Берег все удалялся. Когда отошли от него километров на пять-шесть, заглушили двигатель. Размотали снасти, так называемые самодуры, и начали ловить пикшу. Бывалые моряки поглядывали на нас Женькой искоса: дали нам удочки с плохими катушками, перышек на многих крючках не было вовсе. Решили, что все равно от нас проку не будет, только снасть запутаем. Но мы-то опытные рыбаки. Уже через пятнадцать минут стало понятно, что мы наловили больше, чем они, и делаем это грамотно. Отношение Петровича и Саши к нам, как к рыбакам, изменилось к лучшему.

Сан Саныч рыбу не ловил. Он стал доставать из сумок водку, закуску, что-то нарезал, наливал, и когда все было готово, предложил прерваться для первого тоста.

– За тех, кто в море, то есть за нас, – сказал он, и мы с удовольствием выпили.

Потом несколько часов мы продолжали ловить рыбу и выпивать одновременно. К полудню все вместе мы поймали полведра мелкой пикши. И выпили немногим меньше. Несколько раз искупались, так как становилось жарко. Потом Петрович запустил двигатель, и мы пошли назад в бухту. По пути Саша и Петрович мастерски и очень быстро вычистили рыбу. Настоящие моряки.

Дальше в графике Сан Саныча значилась уха из пойманной рыбы в рыбацком домике. Варил ее Петрович каким-то особым методом, не так, как принято на Оке и Волге. Но получилось очень вкусно. Еще выпили. Послушали историю, как Саша во время одного из походов сварил и съел черепаховый суп из любимых Сан Санычевых черепаха, которых тот вез домой и к которым от тоски сильно привязался.

– Он тогда со мной неделю не разговаривал, – сказал Саша.

– Сволочь ты. Никогда не прощу, – вяло ответил Сан Саныч. Видно было, что простил.

Было еще несколько морских воспоминаний, в том числе история о легендарном футбольном матче с островитянами и обманутых надеждах. Я опять вспомнил про утренний эпизод с документами в багажнике и напомнил Сан Санычу, чтобы он рассказал.

– Это я придумал, когда гонял машины из Польши. Там появились такие бандиты, которые работали под полицейских. Останавливали на трассе, далеко от города, требовали предъявить документы, а когда отдашь им документы, начинали вымогать деньги. А как их отличишь от настоящих-то? Вот я и придумал. Еду как-то на «мерседесе». Останавливают. Встаю. Требуют предъявить документы. Я им говорю, нету мол, ни денег, ни документов. Обыскали, но документов и правда нет. Начали совещаться, что делать. А я говорю, поехали, мол, на контрольный пункт, там у нас старшой должен подъехать, а у него все документы. Отпустили. А следующие полицейские – действительно повезли на контрольный пункт. Там я из багажника все вынул и предъявил. Они посмеялись, но оценили изобретательность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.